

Галенко А.И. (Киев)

Османская историческая карта Восточной Европы со схемой крымских походов на Москву¹

Представляемая карта хранится в Военном архиве Швеции (Krigsarkivet): Topografiska kartor, Ryssland, 33:47. Размер карты 110,5×83,5 см. Она выполнена на бумаге разноцветными чернилами от руки и помещена в раму под стекло. Надписи на карте выполнены арабским письмом. Внизу карты расположены также две большие надписи: одна нанесена в две строчки вдоль нижнего края, а вторая заключена в картуш, нарисованный в левом нижнем углу. Обратная сторона карты скрыта рамой, и неизвестно, в том числе сотрудникам музея архива, есть ли там дополнительные надписи или изображения.

В поле публичного внимания карта попала в связи с тем, что она оказалась в числе экспонатов выставки «Украина–Швеция: На перекрестках истории (XVII–XVIII столетия)», которая проходила в Киеве и Днепропетровске в 2008–2009 г. В каталоге выставки на украинском языке было помещено её уменьшенное изображение, не позволяющее читать надписи. Поскольку содержание надписей было неизвестно организаторам выставки, ее идентифицировали как «турецкую карту Европейской России начала XVIII в. на арабском языке». Комментарии к карте, подготовленный Бо Лундстрёмом и Марией Гуссарссон-Вийк, главным образом, указывал на европейские картографические источники, которые были использованы в данной карте. В частности, были названы карты Волги, выполненные Корнелиусом Клаусеном, карты Дона, выполненные Корнелиусом Круйсом, и Карта Украины Боплана. Также комментарий содержал предположение, что изображенный на карте путь использовался крымскими татарами для походов на север за добычей².

¹ См. форзац. Впервые опубликована на украинском языке: *Український історичний журнал*. 2014. №5.

² Україна–Швеція: На перехрестях історії (XVII–XVIII століття): 1 жовтня 2008 – 30 березня 2009 р. м. Київ, 9 квітня – 31 травня 2009 р. м. Дніпропетровськ: Каталог міжнародної виставки / Укладач Ю. Савчук; Міністерство

Каталог выставки на английском языке, выпущенный годом позже, был снабжен новым комментарием¹. Он учитывал мой перевод двух больших надписей – они, как оказалось, были сделаны на османско-турецком, а не арабском языке. Из надписи внизу следовало, что данная карта была задумана как историческая, демонстрирующая территориальную экспансию Московского княжества за счет шведов и мусульман:

«Размежеванные границами страны, которые помещены на этой карте, [начиная] от крепости Азак и достигая Северного Океана, Астрахани и расположенной в стране Украина крепости Киев, присутствовали на отборных, достоверных и авторитетных картах, которые приказал нарисовать царь по имени Петро, некогда московский царь. Собственно страна Московия обведена красной линией, а остальные страны [показаны в границах так, как] каждая из них принадлежала другому властелину. Страна, которая находится со стороны ляхов, принадлежит Ляху, а местности у Балтийского моря, где сооружен Петербург – до недавних пор их властелином был Швед. А владения, которые находятся в стороне речки Едиль, были в распоряжении Казани, Болгара, черемисов, мордвы, Самары, Астраханского татарина и крымского хана, но с течением времени московские цари, пользуясь каждым удобным случаем, у мурз, которые были их владельцами, по причине попустительства и небрежения, их владения одно за одним поотбирали и стали всем им властелином, и каким образом это произошло, описывается в недавно созданной [этим] рабом и посланной моим господам «Истории Дома Чингизова». [Все это] на этой карте учтено и объяснено».

Надпись в картуше, помещенном в левом нижнем углу, посвящала изображенный на карте путь:

«Тысяча шестьсот пятьдесят третьего года от даты рождения пророка Исы Мехмед-Гирей-Хан, сын Селямет-Гирей-Хана путем, показанным на этой карте, достиг подножья московского трона, сжег (его) адским огнем, [тогда как] сам московский

культури і туризму України; Національний музей історії України. – Київ: Такі справи, 2008. – С. 18.

¹ Ukraine – Sweden: at the Crossroads of History (XVII–XVIII Centuries): Catalogue of the International Exhibition, October 1, 2008 – March 30, 2009, Kyiv; April 24, 2010 – October 31, 2010, New York. – Kyiv: Taki spravy, 2010. – P. 18.

царь спрятался в какой-то крепостице. И когда московский царь, стесненный обстоятельствами, запросил пощады, с ним был заключен мир под условием, чтобы ему ежегодно давать ханам сто тысяч рублей, в каждом рубле по двести акче, и московские цари таки стали давать — и царь Петро давал, а потом они давать перестали».

Утверждение автора, что карта иллюстрировала другое его сочинение под названием «История Дома Чингизова» (*Tarih-i Al-i Cengiz*), давало ключ для датировки и установления авторства. Как установил еще русский тюрколог В.Д.Смирнов, такое сочинение было больше известно под названием «Семь планет в известиях о татарских властелинах» (*al-Sab' al-Seyyar fi Ahbar-i Mulüki al-Tatar*) и принадлежало оно Мевляне ас-Сейиду Мухаммеду Ризе Эфенди эль-Кырыми. С учетом данных об авторе и его упомянутом сочинении, открытых Н. Сейтягьяевым, исполнение этой карты датировалось между 1744 и 1756 г.¹

Обстоятельные сведения о карте, включая транскрипцию и перевод двух надписей, опубликовал И. Зайцев в своем исследовании о сочинении «Семь планет» и Мехмеде Ризе, которое, в свою очередь, вошло в его монографию о татарско-турецкой историографии Крымского ханства². Новые данные о роде мусульманских религиоведов (улема) Афифи, к которому принадлежал Мехмед Риза, продемонстрировали, что его представители занимали судебные и духовные должности на Крымском полуострове, как в его османской части на побережье, так и на территории, подвластной ханам. Поэтому данную карту можно отнести если не к среде непосредственных участников военных походов Крымского ханства, то, по крайней мере, лиц достаточно хорошо знакомых с ней и, таким образом, с походами. На основании данных о Мехмеде Ризе, содержащихся в османской литературной энциклопедии Мехмеда Тахира Брусалы,

¹ Конечная дата — это дата смерти Мехмеда Ризы. Начальная дата отвечает дате написания «Семи планет»; она установлена по посвящению данного сочинения вторичному назначению Тавукчу Мехмеда Паши на должность реис-сультютаба, которое датируется в биографическом словаре Мехмеда Сурейи маем — июнем 1744 г. — Сейтягьяев Н.С. Происхождение Сейида Мухаммеда Ризы (к вопросу о месте его «Семи планет» среди произведения крымской исторической прозы XVIII в.) // Культура народов Причерноморья. 2002. № 44. С. 37–40.

² Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: Пути развития: Рукописи, тексты, источники. М.: Восточная литература. 2009. С. 97–127.

И.В. Зайцев также предположил, что данная карта была одной из 92 карт и рисунков, которые в 1730 г. выполнил Кырымлы Каямирза, некий приближенный крымского хана Менгли-Гирея II, для другого сочинения Мехмеда Ризы «Ханский подарок для толкования утехы мыслей» (*Tuhfetü-l Han fi Şerh-i Nüzhetü-l Ezhan*). Вопреки этому предположению, подпись внизу карты все-таки ясно указывает на то, что карта была подготовлена после сочинения «Истории Дома Чингизова», написанного позже. Все надписи на карте были, похоже, сделаны одной рукой, следовательно, в одно время, поэтому трудно допустить, чтобы какие-то надписи были сделаны позже и отражали более поздние обстоятельства подготовки карты. Кроме того, едва ли уместно было бы на объекте, предназначенном вниманию исламского монарха, приводить дату по христианскому календарю, как это сделано в описании похода на Москву.

Таким образом, данная карта, благодаря упомянутой выставке, привлекла внимание экспертов и в результате были быстро выяснены ее датировка и авторство. Вместе с тем, остается много других невыясненных вопросов, относящихся к обстоятельствам появления этой карты.

Прежде всего, возникает вопрос о причинах, по которым карта оказалась в Военном архиве Швеции, и, соответственно, не совсем понятны ее замысел или назначение, особенно ввиду ее больших размеров. Разве только упоминание даты по христианскому календарю можно истолковать как намек на то, что карта адресовалась христианской аудитории. Вполне возможно, что предназначалась она именно шведам, у которых она оказалась в руках и с которыми Османы поддерживали дипломатические отношения со времен Карла XII, выступая на протяжении XVIII в. единым фронтом против Российской империи. В таком случае, безусловно, напоминание о сожжении крымскими татарами Москвы выглядело подходящим аргументом для шведов в пользу союза с османцами. Дополнительным аргументом для склонения шведов к антироссийскому союзу с османцами выглядели и два специальных напоминания о территориальных уступках Швеции Российской империи. Первое было о том, что Балтийское море, по мнению автора карты, некогда вообще называлось «Шведским морем» (*İsveç deñizi*), а стало принадлежать (? — оригинальное слово не читается, так как часть фразы скрыта рамкой. — А. Г.) «московскому властелину» (*hala Moskov malikine [tabic] bahr-i Baltuko*). Второе относилось к Ингрии: «Эялет Ингирья, первоначально был под шведским правлением»

(*Eyalet Ingirya, kadimde İsveç hükmünde idi*). Правда, подобным образом подписано и «Новгородское владение», которое названо бывшим владением Польши: «Владение Новый Город, первоначально подчинялся Ляху» (*Memleket-i Gorod-i Cedid, mukaddem Lehine tabic idi*). В свете этих данных карта представляет собой любопытный и до сих пор неизвестный артефакт османско-крымской дипломатии, которая по настоящему только рождалась в это время, обретая во внешней политике Османской империи все большее значение, по сравнению с ее традиционными средствами – военной силой и вымогательством. В этой связи едва ли случайно было посвящение труда «Семь планет...», источник данной карты, особе реисулькютаба (упомянутого заведующего дворцовой канцелярией) Тавукчу Мехмеда Паши), ведь эта должность в это самое время превращалась в позицию министра иностранных дел Османского государства.

Вместе с тем, эта карта хорошо отвечает настроениям турецких историков, которые, начиная с Мустафы Наимы (1655–1716), искали утешение от военных неудач Османской империи в более ранних победах мусульман над христианами¹. Так, здесь отмечены места, которые раньше входили в состав исламских держав. В частности, было обозначено место золотоордынской столицы Сарая – «[Здесь] было место Сарая» (*Saray yerdi*); город Булгар показан как существовавший. Два города на противоположных берегах Волги выше Самары были помечены как разрушенные нашествием Тимура: «[Здесь] было место Онарэф Аская (Войнаровская?), Тимур Ленк разрушил» (*Onarof Askaya yerdi, Timur Lenk harap itdi*), «Центр вилаета, разрушен Тимуром-Ленком» (*Vilayet yurdi, Timur Lenkden harap*). Поэтому нельзя исключать того, что карта была нарисована с иной целью, чем аргументировать склонение шведов к союзу. Обращение к исторической памяти о политическом прошлом Востока Европы вполне подходило и для наставления ханского двора в Бахчисарае. Судя по вышеупомянутой информации библиографа Брусалы, на которую обратил внимание И. Зайцев, более раннее сочинение Мехмеда Ризы, снабженное картами, скорее всего, действительно, предназначалось ханскому вниманию, ведь на это прямо указывает и его название «Ханский подарок...» (*Tuhfetü-l Han...*), и сотрудничество автора с приближенным крымского хана неким Кая-мирзой². В таком случае создается впечатление, что рассматриваемая карта могла основываться на одной из карт

¹ Lewis B. The Muslim Discovery of Europe. NY–L., 1982. P. 165–166.

² Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. С. 103.

этого более раннего сочинения. Так что она отражает не только тактические интересы тогдашних османских и крымских политиков в отношении Швеции, но и представления турецких историков первой половины XVIII в., в частности о прошлом востока Европы.

Компилятивный характер карты сильно скрывает состояние знаний среды, из которой она происходит. Невежество мусульман и, в частности, османцев на счет христианского мира в XVIII в. было весьма ощутимо¹. Автор данной карты это также осознавал и откровенно признался в заголовке, что он воспользовался картами, созданными по приказу Петра I. Даже не зная об этом признании составителя, шведские авторы комментария к карте справедливо отметили, что в ней угадываются контуры рек, характерные для европейских карт. С первыми комментаторами карты нельзя согласиться только в предположении, что очертания Дона и прилегающих земель даны по картам и атласам начала XVIII в., в которых отражено исследование реки в ходе Азовских походов Петра I и после них. На самом деле Дон изображен точно так же, как на картах голландского купца Исаака Массы, побывавшего в России еще в начале XVII в.² Вместе с тем для карты Мехмеда Ризы хорошо угадывается основной источник. Им послужили карты из атласа картографо-компилятора Г. де Лиля, который напечатал его в Амстердаме в 1733 г.³ Оттуда взяты не только устаревшие очертания рек, но и границы государств и областей, скорее всего вымышленные, в том числе и первоначальные границы Московского княжества. Названия многих рек, городов и сел также заимствованы оттуда. Последнее видно, поскольку на картах де Лиля эти названия были написаны по-польски, и османский картограф, не подозревая о специфичной польской транскрипции, просто транслитерировал эти названия. Так, река Орель (по-польски Orzel) фигурирует на карте как *nehri Orzel*, а город Галич (по-польски Galicz) – как *Galiks*⁴.

¹ Lewis B. The Muslim Discovery of Europe. P.152–170.

² Репродукцию карты Исаака Массы 1633 г. см.: Кордт В. Материалы по истории Русской картографии. Вып. II. Карты всей России и Западных ее областей до конца XVII в. Киев 1910. Илл. № 44.

³ Atlas nouveau, contenant toutes les parties du monde ou sont exactement remarquées les empires, monarchies, royaumes, etats, republicques etc., dressé par J. de Lisle. – Amsterdam chez J. Covens et C. Mortier. 1733.

⁴ Кордт В. Матеріяли до історії картографії України Частина Перша. Київ 1931. – Илл. 19 (Partie meridionale de Moscovie), 23 (Theatre de la Guerre dans la Petite tartarie, la Crimée. La Mer Noire).

Возможно, как свидетельствует подпись *La Trinita Manastir* («Монастырь Троицы», к западу от Москвы), составитель пользовался и каким-то итальянским источником. Выидны также следы копирования русских источников. Так, это заметно по неизвестному составителю названию в форме имени прилагательного во множественном числе, которое в подписи просто было транслитерировано без согласования с определяемым: «Владение *Каркананольския*» (*Memleket-i Karkanapolskiya*). Две надписи, помещенные на берегах Белого моря, копируя русские карты, не содержат информации, относящейся к тематике османской карты: «в 1702 году от рождения Исы в этот порт прибыл на корабле царь» (*1702 milad-i Isadan Çar sefine ile bu limanına gelmiştir*), «На этих островах галеон, который был построен...» (*Bu adalarda kalyon bina' eyledilen...*). Эта последняя фраза к тому же осталась неряшливо незавершенной и непонятной.

Едва ли стоит ожидать от османского составителя, усердно копировавшего свои источники, что он отредактировал бы границы исторических территорий, являющихся в соответствии с целями карты центральным объектом. Недостаток собственных знаний весьма отдаленных территорий проявилась и в непоследовательности терминов, которыми эти территории назывались. В основном они фигурируют под термином *memleket*/владение или *memalik*/владения. В то же время некоторые из них без видимой причины, во всяком случае, с точки зрения терминологии, названы иначе – вилаетами (Чернигов/*Zernigova*, «Лех, имя которому Литва» / *Leh, kin nam Litvanya*) или еялетами (Ингрия / *Ingirya*, Новгород / *Gorod-i Cedid*). Дело в том, что термин *memleket* может иметь значение суверенного государства, тогда как термин вилает/эялет нет. В этом свете нелогично применение термина вилает к некогда самостоятельному государству Литве, как нелогично использование термина *memleket* в отношении Украины / *Ukranya*, Северщины / *Severya*, Рязани, Суздаля, Нижнего Новгорода и многих других провинций, которые не были суверенными государствами. Некоторые же области со своими границами остались без названий вообще.

Проявления редакции со стороны составителя карты можно предположить разве что в нескольких случаях. Один из них – это указание первоначальных границ Московского княжества. Они были выделены красными чернилами и действительно подчеркивали незначительность исходной территории Московского княжества. Для верности составитель поместил на этой территории примечание: «Эта красная граница исстари

является владением у тех, кто был московскими властелинами» (*Bu hudud-i surh kadimden Moskovuñ malik olduđu memlekettir*).

Несут печать редакции составителя границы и штриховки территории Украины. Как ее правобережная (относительно течения р. Днепр), так и левобережная части были обозначены одинаковой штриховкой красными чернилами. Но подписана была только правобережная ее часть – как принадлежащая польскому королю/ «Ляху» (*Memleket-i Leh-i tabic Ukranya*), тогда как левобережная часть оставлена без подписи. При этом левобережная часть была точно так же заштрихована до самого течения рек Дона и Сосны. Также на Левобережье был выделен красными чернилами, как столичный город, Батурин – столица времен гетмана И. Мазепы. Рядом же автор не преминул отметить село Созоновку, в котором находилось поместье гетмана. Османская историография знала о Мазепе, по крайней мере, в связи с походом Карла XII на Украину и последующим бегством в османские пределы¹. Однако по прошествии трех десятилетий после смерти Мазепы трудно с уверенностью объяснить нанесение указанных объектов на карту живущей памятью и о нем, и об автономном положении Украины. По-видимому, Батурин и Созоновка были просто некритично перенесены с карт де Лиля.

Граница исламского мира (*hudud-i islamiyye*), которая была южной границей Украины, несомненно, была проведена османским составителем. Правда, она несколько отличается от реальной границы, которая была обустроена в октябре 1742 г. в соответствии с Белградским миром 1739 г.² Граница была проведена от верховьев р. Конские Воды (*Йылки-Су*, современное название Конка) до устья р. Миус, тогда как на карте Мехмеда Ризы она пролегла севернее вдоль русла р. Самара и далее по степи до Азака/ Азова. Эту неточность, впрочем, сравнительно незначительную для данного случая, можно объяснить как недостаточной информированностью, так и отмеченным выше отсутствием доступа к более современным картам северного Приазовья, ведь р. Конские воды не вошла в область карты де Лиля, которая была главным источником.

¹ *Tarih-i Raşit*. – Cilt 3. – [Istanbul] : Matbaa-yi Âmire, 1282. – s. 296–298, 309–311; Перевод на украинский см.: *Галенко О.І.* Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мехмеда Рашида // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2010. С. 263–295.

² Инструмент разграничения земель между Россией и Портою в 1742 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Том II. Одесса, 1848. С. 834–835.

Это граница 1714 года, проходила посередине между Самарой и Орелью - LV

В то время, как отражение географических и политических реалий Восточной Европы на данной карте не отличается точностью, отражая известное отставание османцев XVIII в. в этих областях знаний, и не предполагает сенсаций, изображение похода на Москву вызывает интерес. Фактически, карта похода является уникальным источником по истории походов Крымского ханства против соседних государств, поскольку очень вероятно, что она происходила из среды, знакомой с участниками и обстоятельствами походов, тогда как известные до сих пор источники на эту тему являются свидетельствами противников крымских татар. Даже Реммаль Ходжа (ум. ок. 1569), который служил врачом у крымского хана Сахиб-Гирея и несомненно принимал участие в походах, в своей «Истории хана Сахиб-Гирея» (*Tarih-i Sahib Giray Han*)¹ также не описывает подробности походов по степям². Напротив, в данной карте именно поход на Москву является центральным объектом, пусть и представленный больше визуально, чем вербально. Помимо описания некоторых подробностей похода, центральное значение его на данной карте подчеркивает также специальная подпись: «Этот знак дороги обозначает дорогу, которой пошёл на Москву их высочество татарский хан» (*Bu tarik işareti tatar han hazretleri Moskova gütüği tarikiñ işarettir*)

Собственно, словесное описание похода, данное самим составителем в надписи, помещенной в картуше, является явно ошибочным. Хан Мехмед-Гирей не правил в 1653 г., к которому отнесен поход. Хан с именем Мехмед-Гирей IV правил в 1641–1644, 1654–1666 гг. Ему действительно принадлежит большая победа над московским войском, но она была одержана совместно с украинским казацким войском гетмана И. Выговского при Конотопе в 1659 г. К тому же эта победа явилась кульминацией кампании 1659 г. и не повлекла за собой похода к Москве. Тем не менее, судя по некоторым подробностям, сообщенным в описании, надо полагать, автор карты имел в виду другое событие,

¹ *Tarih-i Sâhib Giray Hân* (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 à 1551) /Edition critique, traduction, notes et glossaire per Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaasi, 1973. 313 s. Больше об этом сочинении см.: *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: Пути развития: Рукописи, тексты, источники. С. 69–83.

² На это же обратил внимание В. Остапчук, приведя в качестве противоположного примера подробное описание маршей в горах Кавказа. — См.: *Остапчук В.* Хроника Реммалы Ходжи «История Сагип Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002. С. 391–421, ос. С. 407

имевшее место, а именно поход на Москву, возглавленный ханом Девлет-Гиреем (правил 1551–1577) в 1571 г. Именно тогда Москва действительно пострадала от пожара, а царь Иван Грозный уезжал в Ростов. Естественно, учитывая временную дистанцию более чем в полтора столетия между временем этого похода и датой составления карты, возникает опасение также на счет точности других подробностей. Однако, принимая также во внимание очевидную нечувствительность автора карты к контаминации событий, напрашивается все же мысль о том, что данная карта похода суммирует, обобщает знания составителя о походах крымских татар на Москву. В конце концов, эти походы происходили постоянными маршрутами, которые даже обрели свои собственные названия, в частности Муравский шлях, Изюмский шлях, Кальмиусский шлях. Поэтому в этом представлении могут быть детали, как полностью отвечающие известным сведениям о походе 1571, так и отличающиеся от них.

Знание ландшафтов имело принципиальное значение для похода на тысячекilометровое расстояние для крымского войска. Во-первых, объекты ландшафта служили отличными ориентирами на действительно огромных пространствах, которые преодолевались крымскими войсками. Во-вторых, знание ландшафтов имело значение для поиска пастбищ и укрытий для многотысячных войск. На равнинах Восточной Европы наиболее видные ориентиры задавали леса, реки, возвышенности и, конечно, города. Изображения и названия этих объектов составитель карты в основном скопировал из своих источников. Тем не менее, линию маршрута составитель проложил на основании собственного знания о путях татарских походов, которые прокладывались по водоразделам, избегая пересечения рек, разве только верховий небольших степных речушек. Согласно этой схеме, единственным водным препятствием на этом пути была река Угра. Данная схема выглядит аналогично схеме татарских путей, которую нарисовал и словесно описал французский инженер Гийом Левассер да Боплан:

«татары вступают в пределы такими путями, которые проходят между двумя большими реками и всегда по самой высокой местности, и ищут истоки малых речушек, которые бегут, впадая в большие, одна речушка в другую, а следующая в следующую, и таки образом они не встречают препятствий на своих путях»¹.

¹ *Боплан Г.Л.* де. *Опис України.* Київ: Наукова думка, 1990. С. 64 (репринт издания 1660. С. 47–48).

Кроме того, лес, нарисованный слева рядом с маршрутом, между Батурином и Стародубом, имеет следующее словесное описание, которое, несомненно, могло принадлежать только участнику походов: «Этот лесной массив [протяженностью пути на] более, чем двадцать четыре часа» (*Yiğirmi dört saattir zyade ormanlıktır*). Этот лес, расположенный у границы Московского государства, по-видимому, обратил на себя столь специальное внимание, поскольку использовался в качестве стоянки перед вторжением непосредственно на московскую территорию¹.

Надо полагать поэтому, что и возвышенность, которая тянется справа от пути от Приазовья до р. Сосны, не была механически скопирована с других карт, а действительно была в памяти участников как важный визуальный ориентир.

Кстати, упоминание об измерении расстояния в часах пути является аутентичным свидетельством самих крымских татар о достаточно широком распространении среди них часов, о чем авторитетно сообщил Боплан². Разумеется, невозможно принять на веру сообщение Боплана о том, что буквально у каждого татарина в кармане имелись часы, но предпочтение измерения в часах пути, а не, например, в днях или переходах, свидетельствует именно об обыденности пользования часами у крымских татар.

На данной карте есть два словесных указания на типы степных ландшафтов. Первое относится к территории степей между Северским Донцом и Доном — она описана как *çöllük*, то есть засушливая пустыня и/или безлюдное пространство. Правда, аналогичные замечания есть также на европейских картах. В частности де Лиль на этом же месте поместил надпись «Дикия Поле или Campagnes Desertes, где нет никакого жилья и даже растения» (*Dikia Pole ou Campagnes Desertes, ou l'on ne trouve*

¹ О двух-трехдневном привале перед вторжением сообщает Боплан. Там же. С. 60 (репринт издания 1660 — С. 43.).

² Боплан назвал их *quadran de Nurambert*. Там же. С. 55 (репринт издания 1660 — С. 38). Можно полагать, что карманные часы доставались крымским татарам среди трофеев. Одним из распространенных источников карманных часов в Крыму было их вымогательство местными властителями у заезжих иностранцев, как об этом свидетельствует персональный опыт француза Жюльена Бордые уже в 1607 г.: о том, что хану принято за аудиенцию дарить часы (*monstre d'orloge*), ему рассказал итальянский врач сеньор Бапгист — Bibliothèque nationale de France, Manuscrit française, Mo18076: Relation d'un voyage en Orient, par Julien Bordier, écuyer de Jean de Gontant, baron de Salagnac, ambassadeur à Constantinople. (1604–1612), f. 217r.

aucune habitation ny meme aucune plante)¹. Однако второе описание, похоже, оригинально и оно касается степей в нижегородском княжестве: «Эта равнина очень сочна и большей частью населена татарами, которые известны под именем Мордвы» (*Bi ovası evdan olub ekseri tatar iskan eder Mordva tabir olunur*).

Центральным ориентиром в крымскотатарских походах на Москву было место истока трех больших рек. Оно на карте так и подписано «Исток трех больших рек» (*Üç büyük su başı*) — редкий татарский топоним на этой карте. Речь идет об истоках рек Сейма, Оки и Сосны, которые находились вблизи города Кромь. Важность этого места состояла в том, что от него можно было найти путь по левому берегу р. Оки, чтобы таким образом избежать необходимости ее форсировать вблизи Москвы, где из-за ширины и глубины реки это было сопряжено с непреодолимыми трудностями. Поход 1571 г., насколько известно, проходил именно по левому берегу Оки. Похоже, что этим же маршрутом пытался подойти к Москве и золотоордынский хан Ахмат в 1480 г. Место истока трех рек есть, правда, и на карте де Лилия, и оно было подписано почти так же: «Истоки трех речек Сейма, Оки и Сосны» (*Sources des 3 rivières de Sem, Occa et Szesna*). Однако, в отличие от карты Мехмеда Ризы, путь татарских походов (Муравский шлях) на ней показан восточнее этого места. Таким образом, составитель османской карты в данном случае редактировал свой источник.

Перед «истоком трех больших рек» дорога, можно подумать, раздваивается. В действительности, скорее в этом месте заканчивается ее петля. Крымские татары, по наблюдению Боплана, намеренно никогда не возвращались дорогой, которой приходили. Делалось это, чтобы избежать перехвата и засады со стороны оборонявшихся, а кроме того, татарское войско в это время дробилось на отряды для облавного грабежа и разорения территории противника². По-видимому, облава состоялась на обратном пути в промежутке между Москвой и Михайловым (ныне г. Михайлов Рязанской обл.). Между этими пунктами нет изображения пути, что легко объяснить невозможностью графически представить облаву в виде одного пути. Получается, что Михайлов служил пунктом сбора татарских отрядов. Имеющиеся

¹ Кордт В. Матеріяли до історії картографії України. Частина Перша. — илл. № 13. Аналогичное примечание, только на латинском, помещено на карте Йона Бапгиста Гоманна из Нюрнберга: «Campi deserti ubi nulla hominum habitatio nec planta reperienda est». — Там же. — илл. № 20.

² Боплан Г.Л. де. Опис України. С. 60–61 (репринт издания 1660. С. 44–45).

данные о походе 1571 г. совпадают со схемой маршрута, показанного на карте — от Москвы крымские татары возвращались через рязанские земли¹ по правому берегу Оки.

Конечным пунктом пути на карте была некая отдельно стоящая гора под названием Кара-сук (*Kara-suk daği*). Эта же гора изображалась под названием *M. Carasuk* в атласе де Лиля², а также без названия на других картах³. Османский составитель, подав название горы по-тюркски, позволил точно установить ее значение. Оно буквально означало «рынок на земле» (*kara suk*), то есть стихийный полевой рынок. Судя по тому, что он дал название горе, происходил он в этом приметном месте регулярно, очевидно после каждого набега. Причину такого названия и назначение этого места помогает установить описание конечного пункта набегов, которое подал Боплан. Это должно было быть безопасное место, где татары могли сделать длительную, по меньшей мере, недельную остановку. Разумеется, в это время они буквально «переводили дух и приводили себя в порядок» («гергенант leurs esprits & se remettent en ordre»). К сожалению, в дальнейшем описании этой остановки Боплан, следуя христианской солидарности с пленниками и симпатии к «несчастливым русинам» («malheureux Rus»), эмоционально и трафаретно изображает насилия, творимые крымскими татарами над пленниками, уходя от свойственных его описаниям обобщений. Однако содержащихся подробностей достаточно для установления логическим путем сути происшедшего, помимо того, что так или иначе насилие над пленниками было его неотъемлемой составляющей. Итак, настоящей целью данной остановки был дележ добычи и ее сбыт купцам. О дележе Боплан пишет откровенно: «они собирают всю добычу, которая состоит из рабов и скотины, и делят все между собой»⁴. Что касается продажи, Боплан, с одной стороны, прямо пишет, что татары распродала принадлежащую им добычу по своему усмотрению после того, как возвращались домой⁵. С другой же он также отмечает, что там же невольники распределялись по месту доставки — Константинополь, Крым, Анатолия — из чего следует, что какая-то часть, по-видимому,

¹ ПСРЛ т XIII

² Кордт В. Матеріали до історії картографії України. Частина Перша. — Илл. №№ 19, 23.

³ См. карту «Ukrania quae et terre cosaccorum» из атласа Й.Б.Гоманна: Там же. — Илл. № 20.

⁴ Боплан Г.Л. де. Опис України. — С. 61 (репринт издания 1660. — С. 46)

⁵ «puis les vendent selon que bon leur semble lors qu'ils sont retournez en leur pays». — Там же.

значительная, там же попадала в руки купцов, которые и развозили пленных в столь разные и удаленные пункты назначения. Крымские татары в лучшем случае могли доставить свою добычу до рынков на Крымском полуострове, хотя это тоже было связано с дополнительными затратами и рисками, связанными с содержанием и транспортировкой рабов, не говоря об уплате ввозных пошлин. Но доставка невольников в столь отдаленные заморские рынки потребовала бы дополнительных финансовых расходов, а главное — доступа и опыта операций на специализированном невольничьем рынке, где заправляли специальные купцы и брокеры¹. Поэтому самим людоловам наверняка было выгодно сбыть свою добычу еще до подхода к крымским и османским таможням. Тот факт, что конечный пункт маршрута сами крымские татары называли рынком, подтверждает предложенное толкование слов Боплана.

Михалон Литвин, автор памфлета «О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550 г.) в силу жанровых рамок своего памфлета еще меньше, чем Боплан, был обязан точно и систематично повествовать. Поэтому он в едином нарративе свел два типа торговли невольниками — оптовый и розничный. Первый как раз должен быть характерным для стихийного базара, устроенного посреди степи:

«когда происходит торг, этих несчастных ведут на многолюдную рыночную площадь, группами, построенными наподобие отлетающих журавлей и по десять вместе связанных за шеи, и продают их десятками сразу с аукциона, причем торговец ...громогласно возвещает [что это] невольники... только что пойманные»².

Вопреки создаваемому писателем впечатлению импровизированного базара, детали описания сообщают об хорошо организованном оптовом аукционе с брокерами и купцами. Оптовый рынок, действительно, в недельный срок вполне мог устроить продажу и перепродажу несколько тысяч пленников. Описание хорошо представляет ажиотаж, царивший на базаре, ведь, судя по другим зарисовкам Михалона Литвина, это было важнейшее экономическое событие для множества крымских татар. Разумеется, такой полевой базар привлекал перспективами

¹ См. Fisher A. W. The Sale of Slaves in the Ottoman Empire: Markets and State Taxes on Slave Sales: some Preliminary Considerations // Boğaziçi University Journal. — Vol. VI (1978). P. 149–174.

² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев, и москвитян // Пер. В.И. Матузовой, Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. — М.: МГУ, 1994. С. 72.

Это Корсак-могила на р.Корсак, в 55 км юго-восточнее Бельмак-могилы - LV

Такая этимология сомнительна, как и мнение о "степных рынках рабов". По поводу Корсака - есть и другие варианты этимологии - LV.

прибыли и профессиональных работорговцев, съезжавшихся из городского комфорта в открытую степь. Розничная же продажа требовала времени для поиска нужного потребителя. Кроме того, она требовала дополнительных инвестиций в содержание невольников, а также в специальную предпродажную подготовку, целью которой было придание невольникам возможно наиболее привлекательного вида¹. Сам Михалон Литвин исподволь уточняет, что такое явление было распространено, прежде всего, в Кафе, где существовал специальный невольничий рынок: «...хитроумные барышники и нечестивые торговцы способны на обман, создавая приманки. Ведь тех более красивых мальчиков и девушек, которые попадают в толпу пленников, не сразу выводят [на продажу], но хорошенько откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать подороже... А случается, красивую невольницу, едва купив, тут же перепродают, тщательно приукрасив, чтобы поднять цену и получить барыш. Делают это и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Кафе»².

Отчетливое указание карты на то, что конечный пункт маршрута и рынок находились у какой-то горы, позволяет предположить, что этим местом был огромный холм, ныне известный под названием Бельмак Могила. Этот холм образован гранитом и является высшей точкой северного Приазовья (324 м над уровнем моря). Кроме того, что Бельмак Могила была очень приметным ориентиром, к ней как раз выходила дорога, идущая от Перекопа, и далее начинался водораздел между бассейнами Днепра и Северского Донца, по которому пролегал дальнейший путь на север к Москве. Относительно современного названия трудно установить время его возникновения и значение. С названием Карасук оно не связано. Но основа слова *bel-* означает

¹ Приемы, использовавшиеся специалистами-работорговцами, делали эту профессию своеобразным искусством, что, в свою очередь, довольно рано породило в исламском обществе даже спрос на специальную литературу советов на счет покупки рабов: См. исследование десятков трактатов на эту тему: Müller Hans. Die Kunst des Sklavenkaufs: nach arabischen, persischen and türkischen Ratgebern vom 10. bis zum 18. Jahrhundert. — Freiburg: Klaus Schwarz Verlag, 1980. — 246 s.

² Там же. С. 73. Информация Михалона Литвина верна, что доказывается, в частности, существованием специального базарного налога на украшение невольников (*cadet-i tezyin*) в сумме 12 акче от каждой продажи. — *Veinstein G.* "Règlements de Süleymān Ier concernant le livā' de Kefe // Cahiers du monde russe et soviétique. — P. 70; Архив Премьер-Министра Турецкой республики, фонд Tapu ve Tahrir Defterleri, № 214, л. 19.

поясницу или горный перевал, что соотносится с данным объектом рельефа. Суффикс существительного *-tak* используется для образования конкретных понятий¹. Таким образом, название Бельмак называет объект, напоминающий поясницу или перевал. Правда, в нынешнем состоянии холм, кстати, изрытый гранитными карьерами, такой схожести не демонстрирует. Однако на его вершине находится несколько погребальных курганов, в том числе больших, которые могли иметь названия и по одному из которых мог быть назван и весь холм. Так, один из курганов высотой в 8 метров и имеет 100 метров в диаметре; в вершине кургана имеется прогиб. Другой большой курган состоит из двух насыпей, тоже создавая впечатление перевала. В связи с приостановкой татарских набегов на Украину и Россию с начала XVIII в. рынок на земле вполне мог утратить свое значение, а с ним и холм утратить название «рынка». Однако рассмотренная карта Мехмеда Ризы, зафиксировав исчезнувшее название, сберегла ценную достоверную информацию об этом важном, хотя и трагическом месте истории.

¹ *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 330. Ассоциативно это слово может иметь значение «привязанность, взаимосвязь». — См.: Древнетюркский словарь. — Ленинград: Наука, 1969. — С. 81 s.v. *balmaq*.